

МАРИЯ КАРПУН
Южный федеральный университет

ОБРАЗ МИРОВОГО ДРЕВА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Representations of the World Tree in traditional culture of Don Cossacks

Ключевые слова: традиционная культура, этнолингвистика, Мировое древо, донские казаки

KEYWORDS: traditional culture, ethnolinguistics, World Tree, Don Cossacks

АБСТРАКТ: The subject of this research is the image of a World Tree, its realizations and significances. Tree, as a representation of the axis of the world, so-called axis mundi has been conceptualized since ancient times. The image of a World Tree is relevant to many cultures, as well as the traditional culture of Don Cossacks, in which it is connected to with space zoning (structuring of the world). For example, the underworld (the so-called “тот свет”) is marked by trees, which are growing with their roots up. Moreover, time-characteristics are relate to the image of a World Tree too (marking of time, the point of a new life cycle). This investigation is based on data from dictionaries of Don dialect and materials from the interview with Don Cossacks’s, made by the author. Don traditional culture is in the tideway of an East-Slavonic tradition, but it has have some peculiarities, concerned with regional representations of an image (for instance, ковыла ‘feather grass’ as an embodiment of a World Tree in Don texts of charms).

Образ Мирового древа по праву может быть назван транскультурным, т.к. является магистральным, системообразующим во многих мифологиях мира. Этот «характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира» (МНМ/1, 398), является репрезентацией мировой вертикали, структурирующей мироздание и задающей временные координаты. Он является очень древним и засвидетельствован практически повсеместно. Традиционная культура донских казаков не является исключением: «Важной составной частью представлений донских казаков о растениях является восприятие дерева как мировой вертикали, аналога храма» (Власкина/Архипенко/Калиничева 2004, 63). Специфику отдельных мифологических систем составляют частные репрезентации этого образа в системе представлений носителей языка, круг изоморфных образов, выступающих как «заместители» Мирового древа, а также набор бинарных оппозиций,

структурируемых образом Древа. Так, например, воплощениями мировой оси могут служить мировая гора, храм, колонна, крест, первочеловек и т.д.

Система верований донского казачества является наследницей русской, а, шире, восточнославянской традиции, и сохранила основные черты последней. Так, именно Мировое древо организует пространственно-временной континуум донских казаков, структурирует мир и, тем самым, противопоставляет его «беззнаковому и беспризнаковому хаосу» (термин Н. И. Толстого). Сохраняя функции, приписываемые Мировому древу в славянской традиции, традиционная культура донского казачества обнаруживает и присущие только ей специфические черты, о чем будет сказано ниже. Материалом для исследования послужили изданные и неизданные региональные материалы, собранные в экспедициях сотрудниками кафедры общего и сравнительного языкознания ЮФУ в казачьих станицах и хуторах Дона, лексикографические данные диалектных словарей (СРДГ 2; БТСДК; СДГВО; СРНГ), а также тексты, записанные в ходе полевых экспедиций и изданные Б. Н. Проценко.

Поскольку Мировое древо является единицей языка культуры и функционирующей культурной семьей, мы будем рассматривать этот образ на трёх уровнях культуры: вербальном, вещном и акциональном. Образ Мирового древа складывается из нескольких магистральных мотивов, имеющих более мелкие ответвления:

1) центр мира – идеальное иномирное пространство, где начинается новый жизненный цикл, происходит излечение болезней (в донских заговорах представлен видовыми наименованиями: дуб, берёза, ковыль и др.);

2) место отсылки болезни – локус, противопоставленный миру человека, куда отсылается болезнь;

3) растение-посредник (медиатор), олицетворяющее своеобразный «путь», по которому осуществляется коммуникация между мирами;

4) точка отсчета времени (как одна из граней образа Мирового древа). Рассмотрим эти мотивы подробнее. Мотив мировой оси (*axis mundi*), обозначения центра мира, является ключевым:

Будучи широко распространён во всех заговорных традициях Восточной Славии, мотив мифологического центра неизвестен в заговорах западных и южных славян, и, таким образом, он не может быть причислен к кругу общеславянских фольклорных суждений (Агапкина 2005, 247).

В традиционной культуре донского казачества наиболее ярко этот мотив проявился в текстах лечебных заговоров, в которых мотив центра мира является сюжетообразующим.

Конкретные образы растений символизируют в заговорах наивысшие сакральные ценности и кодируют устойчивые ландшафтные зоны заговорного простран-

ства. Содержательный инвариант метафоры мировой оси камень – гора – дерево символизирует ценности сакрального порядка. Именно здесь герой получает возможность выполнить определённый набор ритуальных действий и «перевоссоздать» космос (Шиндин 1993, 114).

Согласно народным представлениям, излечение – это начало нового жизненного цикла, некое перевоссоздание космоса. Именно около Мирового древа должны были совершаться обряды и ритуалы, чтобы через воспроизведение акта творения мира начать процесс заново и восстановить гармонию. К центру мира отправляется лечащий, что описывается в самом тексте заговора: «Встану рано-ранинька, умоюсь бела-беленька, выйду в чисто поле, в сине море, там на острове стоит дуб...» (Проценко 1998, 123). На вещно-акциональном уровне этот мотив нашел отражение в обряде «продевания» больного сухотой ребенка сквозь расщепленное дерево, что символизирует рождение заново (см. Власкина 2011, 273):

Нужно вишню-выгонку примерно в рост человека расколоть, но чтобы не до самого верху, а расколоть середину и в эту дырку протянуть дитя. [...] Для протаскивания через расщепленное дерево чаще всего выбирали дуб. Дерево должно было расти за рекой.

Символически обозначать центр мира могут различные растительные образы: деревья разных пород (как проявление синонимии единиц внутри одного кода), кроме имеющих негативный статус в культуре (например, осины). В донской заговорной традиции наиболее частотны дуб и берёза. Например (иллюстрации заимствованы из работы: Проценко 1998, 146):

На гаре-океане, на высоком кургане стоял дуб, такой дубистый, такой коренистый. На том дубу – орлиное гнездо. В том гнезде лежал кот Мурлыка... Хватит тебе спать, время вставать, с рабы Божьей (имя) килу выгонять.

Центр мира может быть репрезентирован не только непосредственно каким-либо деревом определенного вида или облика, но и предметами-заместителями (эквивалентами), также выполняющими в этом случае функцию оси мироздания (церковь, алтарь, камень, престол и т.д.), например, заговор от тоски, записанный в хуторе Старая Станица в 1996 году:

На Сиянской горе там стоял престол и на престоле мать Божия Пресвятая Богородица, держит меч и саблю, секёт присекает смертоносную язву. Не сама я лечу, мать Божью Пресвятую Богородицу прошу. Выгоняет, выкликает язвы из рабы божьей за синее море, где солнце не светит и ветер не веет. Аминь, аминь, аминь (тот же источник).

Эта «одновременная разнокодность, вызванная общей тенденцией к максимальной синонимичности, к повторению одного и того же смысла, одного и того же содержания разными возможными способами» (Толстой 1982, 57–58), свидетельствует об актуальности рассматриваемого мотива, является еще одним подтверждением его встроенности в общую систему представлений и верований.

Специфику донской традиционной культуры составляют включенные в тексты заговоров, очень резистентных к изменениям, обозначения растений, характерных для донского региона, а также их локальных диалектных названий. Например, очень распространённый на Дону ковыль в языке донского казачества имеет женский и маскулинные варианты народных названий:

ковыла [кавѣла], *ковѣла* [кавѣла], *ы* (ы), *мн.* не употр., *ж., раст.* Ковыль-воло-сатик *Stipa capillata*. *Кавыла белая, растеть ф стяпи, белым цвѣтеть, кучаря-вая, пушыстая. Кавѣла – идомая трава для худобы, фся как пухам абрациная* (БТСДК 2003, 222)

ковѣл [кавѣл], *-а*, *мн.* не употр., *м.* Травянистое степное растение семейства злаковых с пушистыми волосками на осях; ковыль. *Кавылу сколькя, фся поля блестять. Кавыл разросси. Святки с кавылом. Кавыл травушка* (СРДГ 1976, т. 2, 65)

Именно он помещается в центр мира и выступает как репрезентация образа Мирового дерева в донском заговоре от рака:

На острове Буяне, на Тихом океане стоит куст ковылы. [...] Ты, куст ковылы, не ковылися. [...] Ты, рак-скорпион, не лютися [...] (см. Проценко 1998, 150).

С образом Мирового дерева в традиционной культуре донского казачества, вслед за славянской и русской, связан мотив деления пространства на три мира: небо, мир человека и то т с в е т. В качестве примера приведём фрагмент заговора от зубной боли, в котором дерево является метафорой мира человека:

Дуб в поле, камень в море, месяц на небе. Когда эти братцы сойдутся, тогда у р.б. (имя) зубы перестанут болеть (см. Проценко 1998, 104).

Мир небесный является местом обитания христианских святых. Они могут являться лечащему, когда он достигает центра мира, в кроне дерева. Мир человека противопоставлен миру иному, располагающемуся у корней Мирового дерева. Этот мир считается средой обитания и местом пребывания опасных сущностей (болезней, нечистой силы). Вербальная закреплённость расположения этого мира у корней Мирового дерева подтверждается, например, наличием в диалектных текстах донских заговоров формул отсылки болезни (источник иллюстраций: Проценко 1998, 98, 106):

на гнилые коренья мох глотать, [...] там им быть, там им жить, на гнилой осине пропасть;

[...] вам тут не быть, вам место в горькой осине.

В описании деления пространства на три мира также обнаруживается разно-кодность, т.е. синонимия единиц различных кодов культуры (вегетативного и предметного), а также

идея трехчленности мирового дерева, отражают в трансформированном, охристианизированном виде заговор от детской болезни («На море-океане, на острове Буяне стоит церковь, на церкви престол, на престоле образ Спасителя») и оберег от колдунов («На море-окияне, на острове Буяне — там стоит святая церковь, стоит престол, на том престоле стоит Мать Божья...») (Проценко 1989, 41).

Как предмет, структурирующий мироздание, Мировое древо одновременно является и связующим мостиком между мирами, посредством которого осуществляется коммуникация между ними. По народным представлениям, по Мировому древу можно попасть в мир поднебесный, земной и подземный, мир живых и мир мёртвых. В диалектных текстах донских заговоров представлены партитивные фитонимы (ветки/ веточки вербы, осины, *троецкие веточки/колышки* и т.д.), которые, обозначая заместителей мирового древа, осуществляют такую связь. Например, веточка выступает необходимым элементом обряда излечения. О чём свидетельствует приводимое ниже примечание к заговору, в котором указывается, что необходимо сделать после произнесения текста заговора:

Шла баба мостом с золотым крестом. Навстречу Иисус Христос. Не я вызываю, не я выкликаю – сам Господь вызывает, сам Господь выкликает. Тут тебе не стоять, червонной крови не пить, жёлтой кости не ломить новорождённому, новокрещённому (имя). После этого воду вылить под веточку, где не ходят.

В этом случае веточка выступает «заместителем» мирового древа, крона которого достигает небес, а корни, по народным верованиям, находятся в преисподней. Таким образом, вылитая под веточку вода (используемая во время произнесения заговора) должна унести с собой болезнь в преисподнюю и этим способствовать излечению больного от исуга.

Мотив «Мировое древо» – медиатор реализуется и на вещно-акциональном уровне. Например, в обряде празднования Троицы срубленные накануне молодые берёзки вкапывают около входа в дом, чтобы (по народным представлениям) души умерших родственников могли спуститься в мир живых и присутствовать на праздничной трапезе с семьёй. Этот ритуал получил

вербальное обозначение *сажать сады*. После окончания трёхдневного празднования эти деревца сжигают, закрывая, таким образом, портал в мир иной.

На Троицу сажали сады за парогам. Мы их называли сады сажать будим, украшать. Срубаим три бироски и у парога забиваим (ПМА).

А патом (после окончания праздника) вывалят (эти березки) вон там (за хутором) и сажгут (ПМА).

Той же цели служат и *троицкие веточки*, которыми украшают окна, двери, иконы. Этот мотив реализуется, например, в донском погребальном обряде, где ветку вербы ставят в емкость с зерном в изголовье ложа умершего, считая её мостиком, своеобразным путём, по которому душа умершего «переходит» в мир загробный.

Образ Мирового дерева в донской традиционной культуре связан также и с темпоральными характеристиками. Это не только прямое обозначение времени, но и метафорическая характеристика точки отсчёта времени вообще и жизненного цикла человека в частности, что подтверждает факт присутствия Древа или его заместителя, ветки, в обрядах, связанных с рождением и смертью. Например, обычай сажать на могиле деревце. Считается, что если оно прижилось, значит, умерший был праведным человеком:

Мы вышню сажали на магилки, если выросла, то хароший был чилавек, да и плады вышни будуть рвать, и так паминать иво (похороненного под этим деревом человека) (см. ПМА, М. Булаткина).

Хронотопическую семантику, контаминацию точки отсчета пространственных и временных характеристик, имеет реализация образа Мирового дерева в представлениях о появлении детей. Лексическое воплощение этого образа может быть разнообразным, могут называться деревья разных пород, как плодовые, так и дикорастущие, что свидетельствует о том, что перед нами реализация образа, обобщающего частные факты в единое смысловое целое. Вербальные формулы, объясняющие рождение, актуализируют образ мировой вертикали, по которой души, воплощенные в младенцев, спускаются в мир живых:

Аткель тебе узяли-та? Да с вербачки сняли (инф. Л. Ф. Фролова)
хто скажыть 'ф капусти нашли', хто скажыть 'с вербачки сняли', 'с яблани сняли'
(инф. Е. И. Королева)
'сняли со сливы' (инф. В. П. Уварова) (см. источник: Власкина 2011, 203)

Действия с веткой или молодым деревцем в свадебном обряде вписаны в контекст трансляции семантики брака, заключающейся, по народным пред-

ставлениям, в смерти девицы и рождении женщины. Например, обрядовый термин *ломать ветку* обозначает игру во время свадьбы:

Пьют и гуляют, а тада ламають ветку. Бируть вишнёвую ветку, украшают как ёлку, конфетами и лентами. Маладёш стараица здёрнуть с ветки украшения; а хто ахраняить ветку, бьёт кнутом, ни дапускаит (БТСДК 2003, 209).

Представление о Мировом древе как точке начала отсчёта координат наиболее ярко отразилось в лечебных донских заговорах. В них процесс излечения больного человека представляется как его условная смерть, а затем условное воскресение, то есть начало новой жизни уже без недуга. Из этих же текстов следует, что такое перевоссоздание реальности возможно только в центре мира.

На вербальном уровне представления о Мировом древе как мировой вертикали, определяющей временные координаты, зафиксированы в специфических донских диалектных устойчивых формулах обозначения времени относительно какого-либо дерева (чаще всего дуба):

Так, например, утреннее время, 10–11 часов утра в языке традиционной культуры донского казачества получило следующие наименования: *~время в дуб**, распространенное практически во всех русских говорах Дона, то есть являющееся общедонским: *Время в дуп, значить пара полдничатъ* (БТСДК 2003, 141); *~в дуб вышки*: (солнце) поднялось уже сравнительно высоко. Дон. (СРНГ 1972, в. 8, 232).

Следующая диалектная языковая формула *~солнце в дуб*, имеет отдельные оттенки значений: а) положение солнца над горизонтом при восходе или закате: *Сонца, када садица или взашло, нивысока, то гаварять: сонца в дуп*. Ср. у М. Шолохова: *Солнце в дуб, а он уж и ноги поднять не моёт*; б) положение солнца на небе в полдень: *Сонца в дуп стала ф палудня, када самая жара наступать днём*. Ср. у М. Шолохова: *Бабы с утра харчи им отнесли, а солнце в дуб, на бугре появилась конница* (БТСДК 2003, 141).

Донская диалектная языковая формула *~солнце в полдуба* также имеет свои оттенки значений: а) положение солнца при восходе или закате, более близкое к горизонту, чем *~в дуб*. *Сонца в полдуба, значить ишо ни высока паднялось*. Ср. у М. Шолохова: *Неяркое солнце стало в полдуба* (БТСДК 2003, 141); б) солнце на небе, близкое к положению в полдень: *Уже сонца ф палдуба: пара кафиёк пить* (БТСДК 2003, 141).

Языковая формула *~Солнце за дуб* обозначает заход солнца. *Сонце за дуп – эта сонцы заката, восим чисоф: иво ни видна за дубам*.

Следующее зафиксированное в языке донских говоров наименование *~Солнце у дуба* обозначает положение солнца, близкое к закату: *И паехал бы, гаварить, да сонцы у дуба, пирид вечирам уш дела* (БТСДК 2003, 141).

Обращает на себя внимание детальное разграничение временных промежутков. Фиксируются не только утро, полдень и вечер, но и переходные стадии между этими базовыми отметками. В такой детализации и проявляется своеобразие, оригинальность и особенность картины мира донских казаков, для которых имело важное значение именно дробное членение временного континуума. Думается, что использование апеллатива дуб в приведенных формулах является условным, отсылающим к образу дуба как репрезентации Мирового древа.

Таким образом, Мировое древо в традиционной культуре донских казаков определяет пространственные и временные координаты универсума, что находится в рамках восточнославянской традиции. Подтверждение находим на вербальном уровне в устойчивых формулах обозначения времени, бытующих до настоящего времени, а также на вещно-акциональном (в семантике обрядовых предметов и действий, производимых с ними), кроме того, пространственная семантика восстанавливается на основе анализа сакральных текстов. Специфические черты функционирования и воплощения этого образа (например, репрезентация с помощью диалектного фитонима *кавыла*, называющего растение ковыль) обусловлены географическим ландшафтом и спецификой мировосприятия носителей диалекта.

Библиография

- Агапкина, Т. А. (2005), Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра). В: Топоров, В. Н. (ред.), Заговорный текст. Генезис и культура. Москва, 247–292.
- БТСДК (2003) Большой толковый словарь донского казачества. Москва.
- Власкина, Т. Ю. (2011), Домашний мир на слове эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.). Ростов-на-Дону.
- Власкина, Т. Ю./Архипенко, Н. А./Калиничева, Н. В. (2004) Народные знания донских казаков. В: Традиционная культура. 4, 54–66.
- Криничная, Н. А. (2001), Народные представления русских о свойствах растений. В: Этнографическое обозрение. 4, 48–62.
- МНМ (1997), Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. Москва.
- ПМА (1924), Полевые материалы автора. Кривошлыкова Евдокия Порфировна 1924 г.р. х. Гребенники; Булаткина М., х. Озерской.
- Проценко, Б. Н. (1989), Структура и семантика текста донских заговоров. В: Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия «Общественные науки». 2, 94–100.
- Проценко, Б. Н. (1998), Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону.
- СРДГ (1976), Словарь русских донских говоров в 3-х тт. Т. 2. Ростов-на-Дону.
- СРНГ (1972), Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Ленинград.
- Толстой, Н. И. (1982), Из «грамматики» славянских обрядов. В: Труды по знаковым системам. XV, 57–71.
- Шиндин, С. Г. (1993) Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира. В: Иванов, Вяч. Вс./Свечников, Т. Н. (ред.), Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. Москва, 108–127.